

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-81-88

Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

БУЛАКОВ Олег Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
 публичной власти и правового положения личности,
 Институт Правоведения Российского государственного
 гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия,
 e-mail: bulakov62@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОТ ПРАВОВЫХ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье исследуется историческая эволюция российского конституционализма как сложного правового и политико-институционального явления, не сводимого к факту принятия писаной конституции. Обосновывается, что российский конституционализм формировался в несколько этапов: от ранних правовых ограничителей публичной власти и сословно-представительных практик до проектов государственных преобразований XIX века, конституционной монархии начала XX века, советской модели конституционности и современной Конституции Российской Федерации. Особое внимание уделено внутренней противоречивости российского конституционного развития: сочетанию модернизационного импульса с сильной традицией государственного централизма, декларативности правовых форм с недостаточностью механизмов их реализации, а также периодическому разрыву между юридической конституцией и фактической организацией публичной власти. Сделан вывод о том, что современный российский конституционализм должен оцениваться не только через текст Конституции, но и через качество конституционной практики, устойчивость гарантий прав и свобод, реальную действенность разделения властей, федерализма и судебной защиты.

Ключевые слова: конституционализм; Конституция Российской Федерации; история российского права; советские конституции; права человека; разделение властей; народное представительство; верховенство Конституции.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public
 Authority and Legal Status of the Individual, Institute of
 Jurisprudence Russian State University for the Humanities (RSUH),
 Moscow, Russia

THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: FROM LEGAL ORIGINS TO A MODERN CONSTITUTIONAL MODEL

Annotation. This article examines the historical evolution of Russian constitutionalism as a complex legal and political-institutional phenomenon, not reducible to the adoption of a written constitution. It argues that Russian constitutionalism developed in several stages: from early legal restrictions on public authority and estate-representative practices to state reform projects of the 19th century, the constitutional monarchy of the early 20th century, the Soviet model of constitutionality, and the modern Constitution of the Russian Federation. Particular attention is paid to the internal contradictions of Russian constitutional development: the combination of a modernizing impulse with a strong tradition of state centralism, the declarative nature of legal forms with insufficient mechanisms for their implementation, as well as the periodic gap between the legal constitution

and the actual organization of public authority. The conclusion is that contemporary Russian constitutionalism should be assessed not only through the text of the Constitution, but also through the quality of constitutional practice, the sustainability of guarantees of rights and freedoms, and the actual effectiveness of the separation of powers, federalism, and judicial protection.

Key words: *constitutionalism; Constitution of the Russian Federation; history of Russian law; Soviet constitutions; human rights; separation of powers; popular representation; supremacy of the Constitution.*

Историческое развитие российского конституционализма представляет собой не линейное движение от самодержавия к современному правовому государству, а противоречивый процесс накопления, прерывания и последующего восстановления конституционных смыслов. Конституционализм в строгом юридико-теоретическом значении означает не только наличие основного закона, но и систему принципов, институтов и процедур, обеспечивающих ограничение публичной власти правом, признание прав и свобод человека, разделение властей, политическое представительство, судебную защиту и юридическое верховенство конституции [11; 12]. Именно поэтому исторический анализ российского конституционализма требует выхода за рамки формального вопроса о том, когда в России появилась первая конституция.

В отечественной традиции конституционная идея развивалась в особых условиях: при сильной роли государства, длительном преобладании монархического принципа, слабости автономных институтов гражданского общества, неоднократной смене политико-правовых моделей. Однако это не означает отсутствия собственных истоков конституционализма. Напротив, российская правовая история содержит целый ряд предпосылок: договорные и вечевые элементы древнерусской государственности, земско-соборные практики, проекты ограничения верховной власти XVIII века, реформаторскую программу М.М. Сперанского, земскую и судебную реформы Александра II, Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 1906 г. [2; 3; 16].

Актуальность темы определяется тем, что современная российская конституционная модель не может быть понята вне исторического контекста. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила демократическое федеративное правовое государство, приоритет прав и свобод человека, разделение властей, местное самоуправление и прямое действие конституционных норм [1, ст. 1, 2, 10, 12, 15, 18]. Однако эти положения существуют не в абстрактном пространстве, а в конкретной правовой культуре, на которую воздействуют как дореволюционные, так и советские институциональные наследия. Поэтому задача научного исследования состоит не только в описании этапов конституционного развития, но и в выявлении

устойчивых закономерностей, объясняющих специфику российского конституционализма.

Конституционализм следует отличать от конституции как юридического документа. Конституция может существовать как текст, но не обеспечивать реального ограничения власти; напротив, отдельные элементы конституционализма могут возникать до появления формального основного закона. В этом смысле конституционализм является не только нормативным, но и институциональным, ценностным и процедурным феноменом. Его ядро образуют идея связанности государства правом, признание личности субъектом публично-правовых отношений, организация власти через компетенцию и ответственность, а также наличие правовых процедур, позволяющих обществу воздействовать на власть [13; 14].

Для России такое разграничение имеет принципиальное значение. Если отсчитывать историю конституционализма только от 1906 г. или 1918 г., то неизбежно теряется длительный период формирования предпосылок: от идеи правды и законности в древнерусской политико-правовой культуре до реформаторских проектов XVIII-XIX вв. Если же, напротив, чрезмерно расширять понятие конституционализма и включать в него любые формы публичного порядка, возникает риск подмены конституционного анализа общей историей государства. Оптимальным является функциональный подход: конституционное значение имеют те явления, которые ограничивали произвол власти, вводили элементы представительства, закрепляли правовой статус подданных или граждан, создавали предпосылки судебной и административной ответственности государства.

Российский конституционализм складывался не столько как результат единовременного учредительного акта, сколько как спор между двумя логиками: государственно-охранительной и правогарантийной. Первая исходила из приоритета целостности, управляемости и вертикали власти; вторая — из необходимости юридических пределов власти, институционального участия общества и гарантий прав личности. Эта двойственность обнаруживается на всех этапах: в реформаторских проектах самодержавной эпохи, в ограниченной конституционной монархии 1906-1917 гг., в советских конституциях с их высокой декларатив-

ностью, а также в постсоветской модели, где конституционный текст закрепляет развитую систему прав и институтов, но вопрос о полноте их практической реализации остается предметом научной дискуссии [15].

Методологически важным является также различие юридической и фактической конституции. Юридическая конституция выражена в тексте основного закона, тогда как фактическая конституция проявляется в реальном распределении власти, устойчивости политических институтов, судебной практике и правоприменительных стандартах. История российского конституционализма показывает, что ключевой проблемой часто становилось не отсутствие конституционных форм как таковых, а расхождение между закрепленными правовыми принципами и фактическим механизмом государственного управления.

Истоки российского конституционализма не следует отождествлять с современными либерально-демократическими институтами. В древнерусский и средневековый периоды отсутствовали конституция, разделение властей и права человека в современном смысле. Однако уже тогда существовали правовые и социальные формы, которые ограничивали властное усмотрение. К их числу относятся договорные отношения князя с городскими общинами, вечевые традиции, княжеские уставы, судебные обычаи, а позднее — земско-соборные практики. Эти формы не создавали конституционного государства, но формировали представление о власти как о власти, действующей не произвольно, а в определенных правовых и традиционных рамках.

Особое значение имела идея «правды» как меры справедливого правления. В ранней русской правовой культуре законность еще не отделялась от нравственно-религиозного представления о справедливости, но уже предполагала, что власть не является чистым насилием и нуждается в признании. В дальнейшем, по мере укрепления Московского государства, эта линия была существенно ослаблена централизаторской логикой. Государственная власть постепенно концентрировалась в руках монарха, а сословно-представительные формы не получили устойчивого развития, сопоставимого с парламентскими институтами западноевропейского типа.

Земские соборы XVI-XVII вв. занимают особое место в предыстории российского конституционализма. Они не были парламентом в строгом смысле, не обладали самостоятельной законодательной властью и зависели от воли верховной власти. Тем не менее они выражали важный принцип: при решении наиболее значимых государственных вопросов власть обращалась к пред-

ставителям различных социальных групп. Сам факт такой практики показывал, что публичное решение может нуждаться в общественном согласовании. В дальнейшем эта линия не была институционально закреплена, но она стала одним из исторических аргументов в пользу возможности отечественной традиции представительства.

XVIII век усилил противоречие между модернизацией государства и отсутствием устойчивых конституционных гарантий. Петровские реформы создали рационализированную административную систему, коллегиальные органы, служебную иерархию и новую модель бюрократического управления. Однако это была модернизация без конституционного ограничения верховной власти. Государство стало более организованным, но не более связанным правами общества. В этом смысле петровская эпоха подготовила административную основу будущей государственности, но не решила главного конституционного вопроса — вопроса о правовых пределах власти.

XIX век стал периодом интенсивного формирования российской конституционной мысли. Ее особенность заключалась в том, что многие проекты исходили не из революционного отрицания государства, а из необходимости правовой рационализации монархии. В этом отношении программа М.М. Сперанского имела фундаментальное значение. Во «Введении к уложению государственных законов» он стремился соединить монархический принцип с системой законности, представительных учреждений и разделения управленческих функций [16]. Проект Сперанского не был реализован в полном объеме, однако он впервые придал российской конституционной идее системный юридический язык.

Значение Сперанского состоит не только в предложении Государственной думы как представительного учреждения, но и в постановке вопроса о законе как форме ограничения управления. В его концепции власть должна была действовать через правовые правила, а не через произвольные распоряжения. Для российского конституционализма это означало переход от моральной критики самодержавия к юридической программе институционального преобразования государства.

Декабристские проекты развили эту линию более радикально. «Русская Правда» П.И. Пестеля и Конституция Н.М. Муравьева предлагали различные модели государственного устройства, соотношения центра и территорий, правового статуса личности и представительной власти. При всех различиях эти документы имели общее значение: они ставили вопрос о замене неограниченной верховной власти конституционным порядком. Декабристы проиграли поли-

тически, но их проекты закрепили в российской интеллектуальной традиции представление о конституции как об акте переустройства публичной власти.

Вторая половина XIX века подготовила более практический тип конституционализма. Великие реформы Александра II не ввели конституцию, но создали институциональные предпосылки для нее. Судебная реформа 1864 г. с ее принципами гласности, состязательности, независимости суда и участием присяжных стала одним из наиболее значимых шагов к правовому государству. Земская и городская реформы расширили пространство публичного самоуправления. Реформы в сфере печати, образования и местного управления содействовали формированию общественной среды, способной воспринимать право не только как приказ государства, но и как гарантию свободы.

Русская правовая мысль конца XIX — начала XX вв. выработала теоретический язык конституционализма. Б.Н. Чичерин связывал народное представительство с правовым порядком и исторической зрелостью государства [17]. Н.М. Коркунов развивал юридико-позитивистское понимание государственной власти и права [19]. Б.А. Кистяковский подчеркивал значение правового государства и субъективных публичных прав [18]. Эти идеи не были абстрактным заимствованием западных моделей; они формировали отечественную доктрину, в которой конституционализм рассматривался как способ правового упорядочения власти и защиты личности.

Революция 1905 г. стала моментом, когда конституционная идея из сферы проектов и доктрины перешла в систему действующих государственных институтов. Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил основы гражданской свободы, расширение участия населения в выборах и принцип, согласно которому никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы [2]. Этот акт не был конституцией в полном смысле, но он обозначил принципиальный отказ от прежней модели неограниченной законодательной власти монарха.

Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. оформили новую правовую конструкцию Российской империи [3]. В научной литературе их часто характеризуют как первую российскую конституцию, хотя такая оценка требует оговорок. С одной стороны, Основные законы закрепляли Государственную думу и Государственный совет как элементы законодательного процесса, устанавливали некоторые права подданных, вводили юридическую форму ограничения законодательства. С другой стороны, монарх сохранял чрезвычайно широкие полномочия: верховную самодержав-

ную власть, право роспуска Думы, значительное влияние на правительство, возможность издания чрезвычайных актов. Поэтому речь шла не о полноценном парламентаризме, а об ограниченной дуалистической модели.

Тем не менее недооценивать 1906 г. было бы методологической ошибкой. Российское государство впервые получило устойчивую общеимперскую конструкцию, в которой закон перестал быть исключительно выражением единоличной воли монарха. Появилась легальная парламентская политика, фракционная организация, публичные законодательные дебаты, запросы к правительству, практика бюджетного обсуждения. Даже при ограниченности избирательного права и зависимости правительства от монарха эти институты изменили сам язык публичной власти.

Главное противоречие периода 1906-1917 гг. состояло в несовпадении конституционной формы и самодержавного остатка. Государственная дума претендовала на развитие представительного начала, тогда как верховная власть стремилась сохранить управленческую монополию. Конституционализм оказался не итогом общенационального согласия, а компромиссом, навязанным революционным кризисом. Поэтому его устойчивость была ограниченной. Однако именно этот период дал России опыт парламентской дискуссии, легальной партийной политики и публичной законодательной процедуры. В дальнейшем этот опыт был прерван, но не исчез из исторической памяти отечественного права.

После 1917 г. российская конституционная история вошла в принципиально новую фазу. Конституция РСФСР 1918 г. оформила советскую модель власти, основанную на идее диктатуры пролетариата, классовом подходе к правам и отрицании классического разделения властей [4]. В отличие от дореволюционного конституционализма, где ключевым вопросом было ограничение монархической власти, советская модель исходила из единства власти Советов и подчинения права политическим целям революционного государства.

Конституция СССР 1924 г. закрепила федеративную конструкцию Союза ССР и распределение компетенции между союзным центром и республиками [5]. Формально федерализм стал важнейшим элементом советской конституционности, однако фактически он развивался в условиях высокой централизации и руководящей роли партии. Это породило характерную черту советского конституционализма: наличие развитых юридических форм при ограниченной самостоятельности институтов, которые эти формы должны были обеспечивать.

Конституция СССР 1936 г. провозгласила

широкий каталог социально-экономических и политических прав [6]. В сравнении с раннесоветским периодом ее текст выглядел более универсалистским и менее классовым. Однако именно этот пример особенно ярко демонстрирует расхождение между конституционной декларацией и фактической политико-правовой реальностью. Формальное закрепление прав не сопровождалось независимым судом, политическим плюрализмом и эффективными гарантиями защиты личности от государства.

Конституция СССР 1977 г. и Конституция РСФСР 1978 г. развивали модель «общенародного государства», закрепляли социальные права, обязанности граждан, структуру Советов и принципы социалистической законности [7; 8]. Для советского периода в целом характерно особое понимание конституции: она выступала не столько юридическим актом ограничения власти, сколько политико-программным документом, фиксирующим достигнутый этап развития социалистического общества. Это не означает, что советские конституции не имели правового значения. Они влияли на структуру органов власти, систему федеративных отношений, правовой статус граждан, развитие отраслевого законодательства. Однако их конституционализм был преимущественно номинальным в той части, где речь шла о политических правах, разделении властей и реальном контроле над публичной властью.

Рубеж 1980-1990-х гг. стал периодом демонстрации советской фактической конституции. Изменения начались не с принятия нового основного закона, а с трансформации политического режима: отмены монополии одной партии, появления конкурентных выборов, усиления парламентаризма, признания политического и идеологического многообразия, реформирования федеративных отношений. Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. и последующие конституционные изменения создали переходную ситуацию, в которой старый текст Основного закона уже не соответствовал новой политико-правовой реальности.

Федеративный договор 1992 г. имел значение компромиссного механизма сохранения территориальной целостности и перераспределения полномочий между центром и субъектами [10]. Однако договорная федерализация не могла заменить полноценную конституционную модель. На этом этапе проявилось одно из главных противоречий постсоветского перехода: стремление к демократизации сочеталось с институциональной неопределенностью, конфликтом между президентской и парламентской ветвями власти, экономическим кризисом и слабостью правовых проце-

дур разрешения политических споров.

Конституция Российской Федерации 1993 г. стала ответом на этот кризис. Она закрепила принцип народовластия, федеративное устройство, республиканскую форму правления, разделение властей, идеологическое и политическое многообразие, местное самоуправление, верховенство Конституции и международно-правовую открытость российской правовой системы [1, ст. 3, 5, 10, 13, 15]. Особое значение имело признание человека, его прав и свобод высшей ценностью [1, ст. 2]. В этом положении выражен принципиальный поворот от государствоцентричной к правогарантийной конституционной модели.

Важнейшей новацией стало прямое действие прав и свобод, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемых правосудием [1, ст. 18]. Эта норма является одним из наиболее сильных выражений современного конституционализма, поскольку она связывает все публичные институты правами личности. Не менее значимыми стали положения о судебной защите, Конституционном Суде Российской Федерации, самостоятельности местного самоуправления и гарантированности федеративной структуры.

Однако Конституция 1993 г. изначально содержала сильную президентскую модель. В условиях посткризисного перехода это рассматривалось как средство стабилизации государства. В то же время такая конструкция создала долгосрочную проблему баланса властей. Российский конституционализм 1990-х гг. оказался ориентирован одновременно на либерально-правовые ценности и на сильную исполнительную вертикаль. Именно это сочетание определило дальнейшую динамику развития конституционного строя.

Современный российский конституционализм развивается в условиях усложнения публичной власти, цифровизации, изменения международной среды, усиления значения суверенитета и необходимости обновления социальных гарантий. Конституционная реформа 2020 г. изменила ряд положений Основного закона, затронув организацию публичной власти, статус социальных обязательств, соотношение национального и международного правопорядков, требования к должностным лицам, полномочия отдельных органов и ценностные ориентиры государства [9]. Эти изменения подтвердили, что Конституция остается не только юридической основой, но и инструментом политико-правовой адаптации государства.

Вместе с тем главный вопрос современного этапа состоит не в объеме конституционного текста, а в качестве конституционной практики.

Для развитого конституционализма недостаточно закрепить права и институты; необходимо обеспечить их реальную действенность. Верховенство Конституции предполагает, что законодатель, исполнительная власть, суды, органы субъектов Федерации и муниципальные образования действуют в рамках конституционных пределов. Разделение властей предполагает не только формальное наличие разных органов, но и систему сдержек и противовесов. Федерализм требует не только территориального деления, но и реальной компетенционной самостоятельности субъектов. Местное самоуправление имеет конституционный смысл лишь тогда, когда население располагает реальными возможностями решать вопросы местного значения.

Особое значение приобретает судебный конституционализм. Конституционный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции и арбитражные суды участвуют в превращении конституционных норм из деклараций в действующие регуляторы. Прямое действие Конституции не может оставаться только доктринальной формулой; оно должно проявляться в мотивировке судебных актов, в проверке законов на соответствие конституционным принципам, в защите достоинства личности, собственности, свободы труда, свободы выражения мнения, права на судебную защиту и иных прав. Именно судебная практика является тем пространством, где юридическая конституция встречается с фактической.

Следовательно, современный российский конституционализм нельзя оценивать исключительно по критерию стабильности текста Конституции. Его зрелость определяется тем, насколько конституционные принципы становятся повседневными правилами публичной власти. Исторический опыт России показывает: формальное наличие конституционных институтов само по себе не гарантирует конституционного государства. Решающее значение имеет механизм реализации: независимый суд, юридическая ответственность власти, качество законодательства, политико-правовая культура, реальная защищенность личности.

Историческое развитие российского конституционализма имеет сложную, прерывистую и неоднозначную траекторию. Его истоки обнаруживаются задолго до появления писаной конституции: в правовых представлениях о справедливом правлении, в договорных и представительных элементах древнерусской и сословной государственности, в проектах ограничения верховной власти, в реформаторских программах XIX века. Эти предпосылки не образовывали конституционного государства, но создавали интеллектуальные и

институциональные основания для последующего конституционного поворота.

Первый общеимперский конституционный опыт 1905-1906 гг. показал возможность юридического ограничения монархической власти, развития парламентской процедуры и публичной политики. Его слабость заключалась в неполноте разрыва с самодержавной логикой. Советский период, напротив, создал развитые конституционные тексты, но преимущественно в рамках политико-программной и декларативной модели, где права и институты зависели от партийно-государственной фактичности. Постсоветская Конституция 1993 г. закрепила современную правовую модель, основанную на правах человека, народовласти, разделении властей, федерализме, местном самоуправлении и верховенстве Конституции.

Главный научный вывод состоит в том, что российский конституционализм следует понимать как исторически изменяющийся механизм согласования сильной государственности и правового ограничения власти. Его развитие не завершено принятием Конституции; оно продолжается в правоприменении, судебной практике, законодательной политике, цифровой трансформации и взаимодействии общества с государством. Для будущего российского конституционализма принципиально важно, чтобы конституционные нормы сохраняли не только символическое и учредительное, но и непосредственно регулирующее значение. Только в этом случае Конституция выступает не декларацией о должном, а действующим правовым пределом публичной власти и гарантией свободы личности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2026).

[2] Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юридическая литература, 1994.

[3] Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. СПб., 1909.

[4] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[5] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 1. Ст. 1.

[6] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.

[7] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[8] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

[9] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[10] Федеративный договор от 31 марта 1992 г. // Российская газета. 1992. 4 апр.

[11] Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

[12] Авакян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2022.

[13] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2021. 768 с.

[14] Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 2020. 608 с.

[15] Медушевский А.Н. Российский конституционализм: историческое развитие и современность. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.

[16] Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов. М.: Статут, 2010. 224 с.

[17] Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Грачева и К°, 1866. 552 с.

[18] Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

[19] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 623 с.

[20] Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Статут, 2023. 624 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed:

June 6, 2026).

[2] Imperial Manifesto "On the Improvement of State Order" of October 17, 1905 // Russian Legislation of the 10th-20th Centuries: in 9 volumes. Vol. 9. Legislation of the Era of Bourgeois-Democratic Revolutions. Moscow: Legal Literature, 1994.

[3] Fundamental State Laws of the Russian Empire of April 23, 1906 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XXVI. St. Petersburg, 1909.

[4] Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of July 10, 1918 // SU RSFSR. 1918. No. 51. Art. 582.

[5] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of January 31, 1924 // SZ USSR. 1924. No. 1. Art. 1.

[6] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936 // Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1936. December 6.

[7] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of October 7, 1977 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617.

[8] Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 12, 1978 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1978. No. 15. Art. 407.

[9] Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.

[10] Federal Treaty of March 31, 1992 // Rossiyskaya Gazeta. 1992. April 4.

[11] Alekseev S.S. Law: ABC - Theory - Philosophy: Experience of a Comprehensive Study. Moscow: Statut, 1999. 712 p.

[12] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 Volumes. Moscow: Norma, 2022.

[13] Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook. Moscow: Norma, 2021. 768 p.

[14] Chirkin V.E. Constitutional Law: Russia and Foreign Experience. Moscow: Zertsalo, 2020. 608 p.

[15] Medushevsky A.N. Russian Constitutionalism: Historical Development and Modernity. Moscow: ROSSPEN, 2010. 544 p.

[16] Speransky M.M. Introduction to the Code of State Laws. Moscow: Statut, 2010. 224 p.

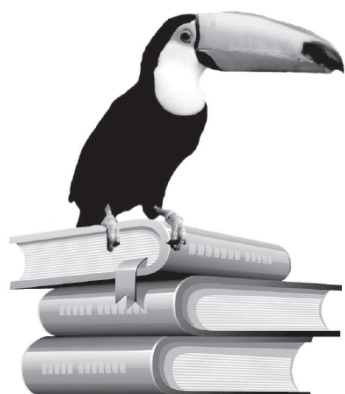
[17] Chicherin B.N. On People's Representation. Moscow: Tip. Gracheva and Co., 1866. 552 p.

[18] Kistyakovsky, B.A. Social Sciences and Law. Essays on the Methodology of Social Sciences and the General Theory of Law. Moscow: M. and S. Sabashnikov Publishing House, 1916. 704 p.

[19] Korkunov, N.M. Russian State Law. Vol.

1: Introduction and General Part. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publishing House, 1909. 623 p.

[20] Shakhrai, S.M. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow: Statut, 2023. 624 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.